

Г. Бидерман

В смертельном бою

ББК 63.3(0)62
Б59

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Бидерман Г.
Б59 В смертельном бою. Воспоминания командира
противотанкового расчета. 1941—1945 / Пер. с англ.
А.С. Цыпленкова. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2005. — 366 с. — (За линией фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-519-73187-4

Это книга очевидца и участника кровопролитных боев на Восточном фронте. Командир противотанкового расчета Готтлоб Бидерман участвовал в боях под Киевом, осаде Севастополя, блокаде Ленинграда, отступлении через Латвию и в последнем сражении за Курляндию. Четыре года на передовой и три года в русском плену... На долю этого человека выпала вся тяжесть войны и горечь поражения Германии.

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-519-73187-4

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2005
© Художественное
оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф», 2005

Глава 1

ПОХОД НА ВОСТОК

30 июня 1941 г. Летний зной царил на бескрайних равнинах Восточной Польши, и лишь движение слегка раскачивавшегося под нами поезда помогало легче перенести жару. Тяжело груженный эшелон медленно шел по беспорядочно разбросанным сосновым лесам и степям. Земля здесь была песчаной и невозделанной. Мы ехали на восток мимо маленьких ферм и деревень, пересекая извилистые реки.

Местное население не обращало на нас внимания, только дети время от времени махали нам с пыльных улиц и обочины дороги. Мужчины и женщины, за которыми мы наблюдали с большого расстояния, растворялись в мерцающем зное, когда колеса поезда оставляли их далеко позади. Мы коротали часы, сидя или лежа под безоблачным небом, расположившись на открытых грузовых платформах между прочно закрепленными на них орудиями и машинами.

Вопреки уставам мирного времени, которым ранее подчинялась наша жизнь, нам разрешили расстегнуть верхнюю пуговицу серо-зеленых мундиров и закатать рукава, чтобы мы могли почувствовать небольшое облегчение в условиях палящего зноя. Первые известия о войне с Россией дошли до нас несколько дней назад, и мы мало говорили о нашем возможном участии в сражениях. Все были уверены, что война с Советским Союзом, как и вооруженные конфликты с Францией и Польшей, быстро закончится.

На закате появились стены и башни Кракова, священного города Польши, где в соборе покоилось сердце Пилсудского. Эшелон, скрипя тормозами, медленно

подкатил к полустанку, расположенному близ пыльной узловой станции. Нам разрешили выйти из вагонов. Через несколько секунд нас окружила шайка неопрятных детей, на которых часовые военной полиции, стоящие с каменными лицами неподалеку, не обращали внимания.

— *Bidde um brog, Herr!*, — жалобно кричали дети, жадно хватая грязными руками куски хлеба, которые мы вытаскивали из сумок и отдавали им.

«Бедная Польша», — подумал я, отдавая кусок хлеба деловитой маленькой девочке в обмен на потрепанную газету. Газета была выпущена днем раньше на немецком и польском языках, и из нее можно было узнать первые новости об операции на востоке: наступали на Лемберг (Львов); Гриднов, Брест-Литовск, Вильно, Ковно и Дюнабург быстро перешли в руки немцев. Броские заголовки гласили, что было уничтожено свыше 2582 советских самолетов и 1297 советских танков. Оккупированная Советами Польша освобождалась от ига большевиков.

Вскоре военные полицейские принялись свистеть и кричать, жестаами призывая нас занять свои места в поезде. Мы гурьбой взгромоздились на платформы. Колеса вагонов протестующе закрипели, и мы медленно двинулись вперед. Я вслух читал газету солдатам нашего оружейного расчета, которые разлеглись на ровной платформе. Я оторвал взгляд от газеты и оглянулся на перрон, где теперь оставалась лишь группа ребятишек. Мы продолжали двигаться навстречу неведомой судьбе.

1 июля мы подъехали к станции, находившейся в десяти километрах к западу от Пелкини близ Ярослава. Здесь мы выгрузились и вновь двинулись на восток длинной пешей колонной (незавидный удел каждого пехотинца). На некотором расстоянии впереди нас «шенилетт», автомобиль на гусеничном ходу, взятый в качестве трофея во время Французской кампании, тащил наше противотанковое орудие.

Внезапно в нос ударил запах дыма и пепла, сохранившийся здесь, и вскоре нашим взорам предстали большие воронки и сожженная техника — поработали немецкие пикирующие бомбардировщики «штука». В конце концов

¹ Пожалуйста, хлеба, господин (*искаж. нем.*).

наша колонна подошла к временному пункту питания, где под бдительным оком вездесущей военной полиции сестры Красного Креста, швабки, цедили холодный кофе из полевой кухни на конной тяге и половником разливали его в наши кружки. Они тщетно пытались выведать у нас последние новости из дому.

Наша длинная серая колонна тронулась в путь, оставив сестер Красного Креста позади, и походным строем стала двигаться дальше на восток. Когда нас настигли сумерки, мы укрыли технику и орудия под деревьями редкой придорожной лесополосы. Нам было приказано обеспечить противовоздушную маскировку, и мы попытались замаскировать наши позиции тонкими ветками.

На рассвете нас обогнали части обеспечения, двигавшиеся по магистрали в сторону далекого восхода. Весь следующий день мы шли следом за интендантским подразделением и во второй половине дня впервые увидели противника.

По пыльной дороге навстречу нам двигались бесконечные колонны русских пленных, одетых в потрепанную форму защитно-коричневого цвета. Многие из тех, на ком не было фуражек, привязали к коротко остриженным головам пучки соломы, служившие защитой от палящего солнца; некоторые шли босиком или были полураздеты.

Из-за странной неоднородности их одежды они казались не похожими на солдат. В их внешности воплотились черты белолицых русских, темнокожих кавказцев, киргизов, узбеков, кочевников с монголоидными чертами лица — многих народов с двух континентов, входивших в состав Советской России. Они молча, опустив глаза, прошли мимо нас; время от времени было видно, как некоторые из них поддерживают раненых, больных или тех, кто казался обессиленным. В школе нас учили, что Европа от Азии отделена Уральскими горами; тем не менее, здесь, как мы считали в центре Европы, мы увидели Азию. Длинная колонна несчастных скрылась из вида за нашей спиной, и, когда нас настигли сумерки, мы расположились на отдых. Под усеянным звездами небом мы завернулись в маскировочные плащ-палатки и проспали до утра.

14-й противотанковой роте была отведена роль передового отряда, и мы выступили ровно в 5.00. Оседающие развалины сожженных домов были безмолвными очевидцами боев, развернувшихся в городе Ярославле во время Польской кампании, которая, казалось, проводилась очень давно, хотя с тех пор прошло всего два года. Когда в Радимо мы перешли через реку Сан, под нашими ногами оказалась уже русская земля.

Мы прошли мимо большого немецкого кладбища, оставшегося со времен Первой мировой войны. Над его воротами висела поблекшая деревянная табличка: «Памяти товарищей, павших в Дубровице». Нашей колонне не разрешили останавливаться надолго, чтобы осмотреть могилы. Мы имели смутное представление о том, сколько наших собственных могил останется возле дорог в глубине России. Вскоре на своем пути мы повстречали свежие могильные холмики с грубыми березовыми крестами, увенчанными стальными касками германского вермахта, которые нельзя было ни с чем перепутать. Эти могилы — первые безмолвные свидетели кровопролития возле дороги, ведущей на восток, — были расположены упорядоченно, рядами и колоннами. Мы пытались отвести взгляд, но могилы постоянно притягивали его. Мы продолжали движение, а безмолвные красно-коричневые холмики, казалось, звали нас к себе. Они будто бы говорили: «Не оставляйте нас здесь... Не брошайте нас в этом незнакомом месте».

Со стороны Лемберга смутно доносились звуки канонады. Дороги становились все хуже и хуже, и пыль обильно оседала на солдатах, лошадях и машинах. Когда оранжевый шар солнца стоял в зените, с трудом пробиваясь сквозь облака удушающей пыли, были видны лишь смутные очертания машины, идущей впереди нашего взвода. Пот и пыль, смешиваясь, придавали очень странный вид лицам под зелеными касками. Возле Краковиц мы вновь провели ночь под тентами, сделанными из плащ-палаток.

Наш поход в никуда продолжался. Мы двигались вперед к неизвестному нам пункту назначения. На пути нам встречались убогие деревушки, расположенные вдоль дороги. Русские женщины и дети пристально смотрели

на нас из дверных проемов, вглядывались в нас, скрываясь за оконными стеклами скверного качества. Единственными мужчинами, которых можно было встретить, были престарелые ветераны минувших войн.

Жители деревень, когда мы их спрашивали, рассказывали нам о большевиках. При этом в их глазах был виден ужас, страх перед сибирскими лагерями. Они говорили нам, что в школах висели портреты Сталина. Когда сельские учителя спрашивали: «Кого вы благодарите за хлеб насущный?» — ученики должны были отвечать: «Сталина». Нас обнадежило то, что сведения о последствиях коммунизма мы получаем из первых рук. То, что мы слышали, нельзя было считать лишь происками нашей собственной пропаганды. Нидермайер заметил:

— Теперь, увидев Россию, мы поняли, какое это счастье — быть немцем.

5 июля мы миновали Лемберг. С начала войны по городу дважды наносились мощные удары, и рано утром из тумана проступили очертания сожженных заводов, домов, лежащих в руинах, и подбитых танков. От их еще горячих остовов валил жирный черный дым. В одном из тех немногих кварталов города, которые частично сохранились, люди выстроились в длинную очередь возле продовольственного склада. Когда мы проходили мимо, они равнодушно смотрели на нас.

Военный аэродром русских под Лембергом «штуки» привели в непригодное состояние. Повсюду виднелись почерневшие самолеты и вдребезги разбитая техника, и во время привала солдаты бродили среди обломков, фотографировали друг друга на фоне разбитых советских самолетов, с любопытством отыскивали и подбирали сломанные детали, ни на минуту не забывая об инструкциях, строго запрещающих мародерство и несанкционированные реквизиции взятой в качестве трофеев техники противника. Война с Советским Союзом шла всего несколько дней, и мы с интересом рассматривали все, что было связано с Советской армией.

Наш поход продолжался всю первую половину июля. День за днем мы встречали на своем пути огромное количество подбитых русских танков. Вдоль обочин то

здесь, то там попадались перевернутые тягачи с прицепленными к ним полевыми пушками. На полях виднелись многочисленные артиллерийские позиции, оставленные русскими. Они оказывались невредимыми — быстрая атака наших войск застала врасплох оборонявшихся советских солдат.

Мы удивились тому, как хорошо была моторизована Советская армия. Наша артиллерия была представлена в основном орудиями на конной тяге, как во времена Первой мировой войны. Могилы немецких и русских солдат теперь оказались вблизи друг от друга: немецкие могилы, отмеченные грубыми деревянными крестами, находились справа от дороги, а русские — слева. Русские могилы остались безымянными. Могилы обозначали лишь винтовки и штыки, воткнутые в рыхлую землю. Немецкие могилы были увенчаны характерными стальными касками, а на некоторых крестах на льняных бечевках висели личные знаки в надежде на то, что их подберут и зарегистрируют.

8 июля, когда подошли к Бродам, на широкой, изрытой глубокими колеями дороге мы обогнали интендантские подразделения и подразделения связи 71-й дивизии 6-й армии. Связисты сообщили нам, что дивизия при взятии Лемберга потеряла 600 человек убитыми и ранеными, и с уверенностью заявили, что война должна кончиться через несколько недель.

Наше наступление остановилось на старой границе между Россией и Галицией. Мы ожидали встретить ожесточенное сопротивление противника, когда 6-я и 17-я армии достигли линии Сталина, представлявшей собой ряд бункеров и хорошо укрепленных опорных пунктов. Мы были разочарованы, когда узнали, что 132-й пехотной дивизии было приказано оставаться в резерве, — большинству из нас хотелось побывать на передовой до неизбежной капитуляции Советского Союза.

14 июля ничего примечательного не произошло. Жизнь наша была скучной: мы видели дороги шириной 100 метров, по которым шел транспорт, пыль, грязь, палящий зной, грозы и бескрайние поля, где лишь изредка попадались негустые скопления деревьев, растянувшиеся до горизонта. Вдали виднелись крытые соломой

колхозные постройки, и мы ориентировались по ним, как по пальмам в пустыне, чтобы выйти к незамысловатым колодцам. Нам говорили, что Красная армия, отступая, зачастую отравляла воду в колодцах. Останки лошадей, которые попадались на всем протяжении пути, издавали зловоние. Этот запах всегда будет напоминать нам о «советском рае», куда мы все больше и больше углублялись.

Наступление замедлилось, когда мы миновали Ямполь. Время от времени нам везло, и мы добывали немного лука и моркови в деревнях, через которые пролегал наш путь; реже прибавкой к нашему однообразному походному рациону служила курица или пара яиц. Мы с тоской вспоминали время, проведенное нами в Каринтии и Загребе перед тем, как началось наступление на русских, — там нам давали холодное пиво и сливовицу.

Пехота продолжала идти от рассвета до заката. Запыленные, потные, липкие, при неизменно тяжелых погодных условиях, мы все глубже вторгались в пределы Советской России. Стараясь облегчить груз нашего походного снаряжения, мы вопреки инструкциям реквизировали небольшие тележки, в которых впрягали выносливых русских лошадей. По мере того как цивилизация (в нашем понимании этого слова) отдалялась от нас, оставшись позади, эта практика все больше укоренялась. Немногочисленные жилища были убогими и, скорее всего, кишмя кишели вшами, поэтому ночи мы проводили в палатках, в стогах сена, а чаще всего — на голой земле; спали, завернувшись в пригодные для всех случаев плащ-палатки, которые выдавались каждому пехотинцу. Солдаты тех подразделений, где использовалась конная тяга, просыпались на рассвете от всхрапывания голодных и мучимых жаждой лошадей.

Мы проходили мимо деревянных зданий школ, которых было ненамного больше, чем грубо отделанных помещений, украшенных характерными красными звездами, с выкрашенной в красный цвет кафедрой, предназначенных для политических собраний Коммунистической партии. На стенах висели изодранные, запыленные портреты Ленина и Сталина. Там, где при царском режиме едва знали алфавит, Сталин ввел обязательное образо-

вание. Нас удивило то, что многие школьники немного говорили на ломаном немецком, а из пропагандистских материалов, попавших в наши руки, мы узнали, что детям давали в первую очередь политическое образование.

17 июля, впервые с начала наступления, нам доставили почту из дому. Через десять дней дивизия вступила в Украину и, пройдя через Казатин, стала двигаться на юго-восток, по направлению к Рушину. Украинская земля парила от летнего зноя. По широким песчаным и выложенным неотесанным камнем дорогам мы пришли в страну бескрайних горизонтов. Широкие беспредельные степи, нивы и подсолнечные поля окружали дороги, по которым мы шли на восток. Прimitивные деревянные ветряные мельницы усеивали горизонт. Для нас они служили местом, где мы могли напиться и отдохнуть во время навевающего тоску похода по этому краю, который оставил нам незабываемое ощущение свободы, контрастирующее со вседвлюющим чувством пустоты.

Мы устроили привал в заброшенной роще акации, которая давала слабую тень посреди океана травы. Рота прошла пешком 60 километров меньше чем за двадцать четыре часа; ссадины на ногах болели, пятки были избиты в синяки. Пыльные, изборожденные полосами от пота лица, загоревшие на ветру и на солнце, из-под тяжелых касок оглядывали наши «владения». Руки, скользкие от пота, сжимали шанцевые инструменты, с помощью которых мы рыли в земле ходы сообщения. Была дана команда окапываться.

Раздетые до пояса, мы молча вгрызались в землю, а жужжание пчел поблизости напоминало нам об их тяжелом, бесконечном труде. Клеменс и Гер, водители тягачей, решили определить местонахождение ульев и найти мед. Вооружившись котелками, экипированные плащ-палатками и противогазами, служившими защитой от пчелиных укусов, они скрылись из вида, направившись к колхозу, расположенному позади огневой позиции орудия.

Поработав в течение часа, я соорудил слева от огневой позиции противотанкового орудия (ПТО) земляное укрепление установленного образца. Его высокая стенка, на которой мы должны были класть наши вин-